

Сверхновая фантастика
КОНСТАНТИНА ОБРАЗЦОВА

**СУМЕРКИ БОГА,
ИЛИ
КУХОННЫЕ АСТРОНАВТЫ**

КОНСТАНТИН ОБРАЗЦОВ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-23

Автор иллюстрации на переплете
Фролов Антон Евгеньевич

Иллюстрации по тексту
Кузнецовой Дианы Юрьевны

Образцов, Константин Александрович.

О-23 Сумерки Бога, или Кухонные астронавты / Константин Образцов. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. : ил. — (Сверхновая фантастика Константина Образцова).

ISBN 978-5-04-178104-0

Человечество достигло вершины своего развития. Люди победили ненависть, освободились от рабства страстям, богатству и власти.

Интернациональный экипаж новейшего субквантового звездолета отправляется в экспедицию, чтобы попытаться достичь края Вселенной. Семь месяцев изнурительного полета завершаются чередой загадочных и трагических происшествий, а затем и катастрофой поистине космического масштаба, разрывающей саму ткань Мироздания, искажающей Пространство и Время...

Они вернулись на Землю в то же время — но в иной вариант реальности, бесконечно далекой от прежнего идеального мира.

Это захватывающий литературный микс из космических приключений в стилистике ретрофутуризма, реалистической прозы и пугающе притягательной антиутопии. Роман безусловно рекомендуем тем, кто интересуется современной социологией, проблематикой искусственного интеллекта и футурологическими прогнозами.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-178104-0

© Образцов К.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

12 октября 2021 года
Куда: 2100, Зугдиди, Грузия
Кому: Когуа Нине Георгиевне

1

Здравствуй, дорогая Нина!

Я долго собирался написать тебе и едва ли не дольше писал. Начал еще в октябре, когда клены и тополи у меня под окном, словно гости на осеннем балу, стояли наряженные в багровое и золотое, пока сама хозяйка этого бала не посрывала с них все наряды ветром и холодным дождем, и сейчас они, нищие и продрогшие, тянутся снизу корявыми голыми сучьями, будто прокаженные, пришедшие за подаванием. За стеклом прозрачная темнота зимней ночи, из труб валит пар, сливочными клубами поднимается в небо, твердое, как ледяное стекло, и мерцание колючих звезд отражается в искрах морозного легкого снега. Если долго глядеть только вверх, то можно представить, что ты в космосе, один среди холода и пустоты, смотришь на дальние звезды с границ какого-то бесконечного войда. Я часто так делаю в последнее время: выключаю в квартире свет, сажусь у окна на кухне и смотрю в черноту.

Сначала я надеялся, что мне удастся отыскать тебя, да не вышло. Это кажется только, что во всемирной сети сейчас можно найти кого заблагорассудится, но для этого нужно, чтобы человек или был хоть сколько-нибудь заметен, или сам поделился информацией о себе. Так, например, в мае я нашел Ли Вэя, это было проще и быстрее всего. Он здесь врач, довольно известный, практикует традиционную китайскую медицину, у него немало пациентов в России, есть собственный сайт в интернете — туда-то я и написал через форму обратной связи, так, всего несколько слов: мол, привет, это кэп, вот мой телефон и электронный адрес, свяжись, когда будет удобно. Но он не связался. Я звонил по нескольким номерам с сайта, но везде мне отвечали — то на гуаньхуа с хайнаньским акцентом, то на английском, то на русском — сотрудники клиник: вежливо предлагали записаться к другим специалистам и так же вежливо сообщали, что поговорить лично с доктором Ли Вэем можно только у него на приеме и что он, к сожалению, очень занят в ближайшие несколько месяцев. И не в ближайшие тоже. Оставалось только любоваться на фотографию: конечно, лишние четыре десятка лет немало его изменили, но я уверен, что не ошибся — это он, наш Ли Вэй, без всяких сомнений.

Кого-то помог найти внук — у меня есть внук, представляешь! Зовут Егор, очень толковый юноша пятнадцати лет. Без него я бы совсем заплутал в социальных сетях, поисковых машинах, видеохостингах и всем прочем подобного рода; я быстро учусь и сейчас уже нипочем не спутаю Twitter и Instagram, а полгода назад еще изрядно терялся перед многооб-

разием кибернетических коммуникаций. Благодаря внуку мне удалось увидеть Эшли — вот была радость! Правда, всего на несколько секунд: с длинными седыми волосами, заплетенными в толстые косы, в каком-то пестром индейском пончо, воинственно вскидывая вверх сухонький старческий кулачок, она решительно двигалась навстречу полицейским шеренгам в плотной толпе демонстрантов, и вокруг нее возвышались, явно оберегая, несколько друг на друга похожих плечистых грузных мужчин в клетчатых рубашках и красных бейсболках — а потом раздался треск выстрелов, разрывы гранат и все заволочло густым белым дымом. Внук нашел и фотографию, сделанную из фрагмента этой видеозаписи: она широко разошлась по сети, а подпись гласила: «Ультраправая активистка Эшли Хатчинсон-Грант и ее шесть сыновей во время штурма Капитолия». Я обрадовался тогда: во-первых, тому, что у нее здесь есть дети — ты, наверно, не знаешь, но Эшли очень переживала, что не может стать матерью; а во-вторых, потому, что найти контакты ультраправой активистки, да еще и с шестью сыновьями в придачу, должно было быть проще простого. Но увы: их аккаунты в Facebook и Twitter оказались заблокированы, а потом и вовсе удалены; единственный известный телефонный номер в Лас-Вегасе отвечал месяца два длинными пустыми гудками, пока металлический женский голос не сообщил, что абонент этот более не доступен.

Зато мне удалось поговорить с Зойкой, пусть даже разговором это назвать можно с известной натяжкой. Я набрал раздобытый внуком одесский номер — это оказался мобильный ее сына или племянника,

толком не разобрать, да и не важно. Он несколько минут расспрашивал, кто я такой; я заверял, что старый друг и сослуживец Зои Михайловны и что она будет рада меня услышать; он попросил позвонить вечером, и я позвонил, и он снова спросил, кто я, потом долго куда-то шел с телефоном, слышно было, как кто-то шепчется, прикрыв микрофон рукой, и наконец я услышал Зойкин голос: «Але!» Ее шикарное контральто с годами таки дало легкую трещину, но это точно была Зойка — в конце концов, всего меньше года назад мне приходилось слышать этот голос в расцвете силы и красоты, и ошибка была невозможна. «Это я, кэп», — сказал я. Она переспросила, я стал объяснять, и вдруг она закричала: «Щоб ти здох!», и звонок оборвался. Я стал перезванивать, но постоянно слышал в трубке короткие гудки. Егор сказал, что так бывает, когда номер вносят в черный список.

Труднее всего оказалось найти несчастного Айхендорфа, даже точно зная, что он в Регенсбурге, — ты, конечно, помнишь этот очаровательный городок на Дунае. Когда мы там были? Если взглянуть сейчас на календарь, то получится, что две-три недели назад; по внутреннему времени моей памяти и сознания — тому более восьми месяцев; ну а если принять, что стояли на Каменном мосту, смотрели в воду, смеялись историям про коньки и зимнюю рыбалку, которые рассказывал нам бедняга Генрих, мы тридцатилетними, а сейчас всем нам за семьдесят, то можно ли считать, что прошло сорок лет с того дня?..

В общем, коль скоро так вышло, что я оказался в родном Ленинграде, Эшли — в Вегасе, а Зойка — в Одессе, то и Айхендорфа следовало искать в Ре-

генсбурге. Не самый большой город мира, но Егору пришлось постараться, чтобы найти там дальнюю родственницу Генриха, совсем юную, кажется, внучатую племянницу — она называла его дядей. «Дядя ни с кем не общается. Он стар, болен и лежит в клинике».

После этого стало ясно, что остальных искать смысла нет — никого, кроме тебя, дорогая Нина. Наверное, ты понимаешь почему.

Я решил для себя, что если не найду тебя до 12 октября, то просто напишу письмо на твое имя в Зугдиди, в надежде, что местные почтальоны знают всех местных жителей, а не только тех, кто наследил в цифровом альтернативном пространстве. Может быть, найдется кто-то чудаковатый и добрый, как в старых фильмах, кто с помятым конвертом в руке будет обходить дом за домом на залитых солнцем живописных узких улочках, среди каменных стен и зарослей винограда, стучаться в калитки, спрашивать всех, не знает ли кто, где живет Нина Когуа, и ему будут помогать в поисках пионеры, и пенсионеры, и даже добродушные бродячие псы, и, конечно, найдут тебя — за накрытым белой скатертью длинным столом, во дворе, под платаном, в окружении любящих детей и множества внуков. В конце все пьют холодное красное вино, радуются, поют песни и вместе пишут ответ.

Надежда зыбкая, но хоть что-то.

Сначала я хотел черкнуть всего пару строк: жив здоров, как дела, вот мой адрес, а вот телефон, пиши, звони, буду рад. Но чем дальше, тем больше я хотел рассказать, спросить, обсудить; я стал делать

заметки и записи, и сейчас становится очевидно, что письмо превращается то ли в дневник, то ли в повесть, так что впору уже нумеровать главы — и я, пожалуй, прямо сейчас так и сделаю, поставлю цифру 1 в самом начале письма.

Вот, готово.

Многое я записывал просто на память, потому что она стала в последнее время меня подводить, и чем больше подробностей я вспоминаю про семьдесят лет моей жизни здесь, тем больше забываю про другие тридцать лет, особенно про последние 220 дней, что мы все провели вместе. Иногда даже такое, чего забыть, казалось бы, вовсе нельзя. Например, месяц, наверное, не мог вспомнить Зойку, как тебе это?! Помнил только, что был кто-то на ее месте, но кто? Почему-то лез в голову Густафсон, тот здоровенный норвежец с «Андромеды-1», борода-тый такой, в большущих очках. Поэтому мне нужно, чтобы кто-нибудь удостоверил, верно ли я помню хотя бы основные события, ибо от правильности этих воспоминаний зависит та мера ответственности за случившееся, которую несем мы с тобой: я, принявший решение, которое все изменило, и ты, которая меня поддержала.

Сегодня снова 12 октября 2021 года.

Удивительно, но, вопреки распространенному мнению, оказалось, что можно прожить один и тот же день дважды. Интересно, что сказал бы по этому поводу Айзек? Наверняка объяснил бы как-нибудь на языке науки, отчего все стало бы еще непонятнее. Но увы, он тоже не стал со мной говорить. Кстати, про Айзека я совсем забыл рассказать — вот чертова

память! Я ведь нашел и его тоже, правда, не в Акко, как можно было бы предположить, а в Беэр-Шеве. Егор, мой юный помощник и цифровой следопыт, сказал, что Айзек переехал жить к дочери. Я позвонил; он ответил сам. Я представился; он сделал вид, что не узнает меня и вообще не понимает, о чем и о ком идет речь. Мы препирались минуты две: я все более раздраженно настаивал и напоминал, он так же раздраженно от всего отнекивался, а потом бросил трубку. Но вот странно: примерно через полчаса с незнакомого номера с израильским кодом мне пришло сообщение на русском: «Не говори ни слова». И все. Написал ли это сам Айзек? Если да, то зачем? А если нет, то кто, и опять — с какой целью? Что за шпионские игры с подменой номера? И про что мне нельзя говорить? Впрочем, если загадочный отправитель имел в виду известные нам события, то с предостережением он опоздал, ибо в начале мая уходящего года я благополучно о них проболтался.

Но обо всем по порядку. Давай я сначала расскажу тебе, как здесь устроился.

2

По местным меркам, жизнь моя сложилась неплохо. Прожил я ее инженером гидротехнических сооружений; временами ездил в командировки, бывал даже на Саяно-Шушенской ГЭС, но в основном сидел в НИИ на улице Гжатской. Как и многие, в начале девяностых годов гордо ушел из института, громко хлопнув дверью и пообещав через год стать

миллионером. Как и почти все, тихо вернулся обратно спустя десять лет, чтобы спокойно доработать до старости: в моем случае это означало до позапрошлого года, когда намеки начальства на то, что пора бы уже наконец выйти на пенсию, стали слишком прозрачными.

У меня есть альбом с семейными фотографиями; все лица в нем знакомые и незнакомые одновременно. Я ни разу не видел их. Я прожил с ними всю жизнь. Вот папа в военной форме и мама со старомодной прической — их давно уже нет. Вот я сам, с тонкими усиками, с отпущенными по моде длинными волосами с косым пробором, в неловко сидящем душном костюме; меня держит под руку молодая жена в белой фате и пышном свадебном платье, похожем на большую порцию сахарной ваты; мы стоим у подножия лестницы во дворце бракосочетания на Английской набережной, а за нами до самого верха теснятся родственники и друзья — где теперь все эти люди? Живы ли? Почему сейчас нет никого рядом?.. Вот снова я, уже без усов, взволнованно таращусь в объектив и окостеневшими от напряжения руками держу большой сверток из толстого одеяла и тоненьких пеленок; фотография черно-белая, но можно не сомневаться, что одеяло синего цвета, потому что у меня — мальчик. Рядом жена, чуть располневшая, уставшая и счастливая.

Жену звали Ира, она умерла от рака шесть лет назад. Мальчику дали имя Олег, и сейчас ему уже срок семь. Таким сыном принято гордиться: у него успешная корпоративная карьера топ-менеджера, выплаченная ипотека, два автомобиля в семье,

из хобби — велосипед и горные лыжи. Еще у меня двое внуков: Ростислава — это дочь Олега от первого брака, она уже взрослая, самостоятельная, ей двадцать четыре, окончила какой-то университет, название которого я не могу вспомнить, по специальности, суть которой мне не понять, и занимается чем-то, связанным, кажется, с маркетингом или с психологией, — в общем, не знаю, а спрашивать еще раз не хочу, Ростислава сердится, когда я не могу разобраться в смысле ее работы. И внук Егор, о котором я уже говорил, это от нынешней жены Олега, Оксаны. Егору пятнадцать, он в десятом классе, увлечен компьютерами и математикой. В общем, как видишь, все молодцы и при деле. Сын, правда, уже полтора года как без работы, с мая 2020-го, но это дело житейское, утрясется. В общем, семья у меня благополучная. Не хуже, чем у людей.

Я живу в двухкомнатной квартире, на седьмом этаже старого панельного девятиэтажного дома цвета осеннего петербургского неба, на Придорожной аллее — это северная окраина города. Окна квартиры выходят во двор — там есть скверик с деревьями и построенный буквой «Н» детский сад такого же безнадежно унылого цвета, как и дом. Ранним зимним утром в свете безжалостно ярких голубых фонарей на фоне белого снега копошатся черные фигурки, преодолевающие сугробы, — это родители тащат за руку своих малышей сквозь тьму и мороз к чужой тете, сорвавшей голос от крика, к зеленым соплям, жестким раскладушкам и пенке на молоке. Окна общей лестницы дома смотрят на улицу, на другой ее стороне — море изломанных линий рыжих от

ржавчины гаражей, еще дальше — промзона, бетонные приземистые корпуса и высокие трубы которой простираются до туманного горизонта.

Я один, иногда по несколько недель. Или месяцев. В комнатах постоянно висит раздражающий сумрак, даже днем, так что я включаю весь свет, но от него сумрак никуда не уходит, просто из серого превращается в тускло-желтый. Мне вообще не хватает здесь света и воздуха. Зато сны очень яркие и пугающе четкие, как будто реальность поменялась с ними местами. Всегда холодно. В щелях под дверьми со злым присвистом шепчутся сквозняки. Ночами через дверь слышно, как ветер завывает в трубе мусоропровода, с яростью лупит неплотно прикрытыми форточками на лестнице. Постоянно гудит лифт: стоит мне выйти, чтобы вынести мусор — хоть ранним утром, хоть глубокой ночью, хоть днем, когда все на работе, — как он непременно залязгает, завоет мотором и, надсаживаясь, потащит куда-то кабину. Я специально прислушивался: двери открываются, но шагов нет, тишина; потом створки опять смыкаются с металлическим клацаньем, секунда — и снова гул из лифтовой шахты. Я возвращаюсь в квартиру, открываю дверь, переступаю порог, из большого зеркала напротив входа мне навстречу шагает мое отражение, и каждый раз я пугаюсь — всего на долю мгновения, не больше! — что кто-то чужой вдруг вырвался с обратной стороны стекла. Это не мои страхи, не мои чувства; они принадлежат одинокому старику, которым я стал так внезапно, но я принимаю их вместе со всеми ранами, печальями, радостями, бо-

лю и горьким опытом семи десятков прожитых им лет.

Иногда мне кажется, что я сам становлюсь этим стариком все больше и больше.

Друзей у меня не обнаружилось: кто-то помер, кто-то потерялся за давностью лет; соседей по лестничной клетке я знаю по именам, прочих — в лицо, но редко когда говорю им что-то, кроме как «Здравствуйте!» и «До свидания!». Правда, есть одно исключение: сосед Александр, что живет этажом выше. Я часто встречаю его у мусоропровода: он меряет узкую площадку шагами, громко откашливается, с остервенением курит и яростно плюется, едва ли не ежесекундно. Ему за пятьдесят, он одинок и все время бранится и проклетит недоброе — а в недобром последние годы нет недостатка. Я первый раз встретил его в начале марта, почти сразу, как здесь появился. Он вышагивал от стенки до стенки, с силой втягивал и шумно выдыхал дым, то и дело заходясь надсадным кашлем. Увидел меня, мрачно зыркнул и поинтересовался:

— Вакцинировался уже?

Я не успел вспомнить, кто он такой, растерялся немного, но ответил:

— Да.

Александр звучно сплюнул, покачал головой и сказал:

— Ну ладно, ты-то старый, свое пожил, один черт — помирать скоро. А вот остальным — хана, все, приплыли. Теперь всех на хрен чипируют. Как баранов.

Я не без удивления открыл в своем нынешнем характере странную деликатность, которая заставляет слушать неинтересное и соглашаться с нелепым только лишь для того, чтобы не обидеть малознакомого и не особенно приятного человека. Потому с тех пор и до сего времени, попадаясь Александру у мусоропровода, шурясь от едкого дыма и уворачиваясь от плевков, я узнал, что:

— Глобалисты это придумали, чтобы всех в цифровой концлагерь загнать. Они в ноябре 19-го проводили мировую репетицию по пандемии, а потом в феврале все и началось. Организовал учения фонд Гейтса, а Гейтс у нас кто? Главный спонсор ВОЗ. Вот и думай.

А еще, что:

— Шваб и Греф с подельниками учения организовали по отключению всего интернета. Так что жди. Сначала деньги наличные отменяют, заставят все перевести в Сбер, а потом интернет отрубят — и все, плакали твои кровные. Будешь за хлебные карточки работать, чтоб только не сдохнуть. А вообще, все это Рокфеллеры еще десять лет назад в своих сценариях прописали. Неоконны чертовы.

И кроме того, что:

— ВОЗ уже и мероприятия свои проводит под Казанью, совместно с военными. Учат наших разворачивать мобильные пункты по вакцинации и ковидные концлагеря. Скоро все поедем туда, оглянуться не успеешь.

Я перестал выносить мусор вечерами и начал ходить к мусоропроводу днем, но дела это не поправило: Александра постоянно выгоняли с работы,

то с одной, то с другой, так что он располагал неограниченным досугом, во время которого, как мне кажется, только и делал, что читал новости и курил. Поэтому мне ничего иного не оставалось, как узнать, что:

— Все дело в бабках. У нашей Голиковой то ли сват, то ли брат хозяин конторы, которая вакцину выпускает. Вот тебе и все расклады. А в мировом масштабе если, ты себе представь! «Файзер» этот, к примеру! Когда уже они, суки, нажрут и треснут!

А после того, как Александр однажды не появлялся двое суток, что:

— Иду мимо, а он стоит, шипит мне: «Масссчку наденьте, масссчку!» И за рукав! Ну я развернулся и дал ему, как раз в масссчку...

Я заинтересовался источниками, из которых Александр черпал свои новеллы. Внук показал мне, что такое социальные сети и Телеграм, и я подписался разом на несколько десятков общественно-политических каналов, пабликов и тематических групп. Теперь, стоит мне только взять в руки смартфон или сесть за компьютер, как словно приоткрывается форточка, выходящая в клоаку мрачного переуллка гиблых трущоб, откуда несутся звуки поножовщины и мордобоя, или в коридор коммунального общежития самого низкого пошиба, где сутками напролет в комнатах перебранки и драки; а если приняться за чтение и вместо форточки распахнуть дверь пошире, то и перебранку, и драку, и поножовщину устроят у тебя дома, да и самого вовлекут в это малопочтенное мероприятие. Не могу сказать, что почерпнул из своих исследований

много полезной фактической информации, но зато наблюдений и выводов сделал предостаточно.

Дискуссия, как форма коммуникации для обмена мнениями и достижения согласия, здесь умерла совершенно и выброшена на обочину социальной истории будто околевавшая псина, без жалости и погребения. То, что сейчас по привычке именуется общественным диспутом, напоминает переключку двух противоположных фанатских трибун на футбольном матче, когда главное — это придумать кричалку пообиднее и проорать ее как можно громче. И тут уже не важно, будет ли кого-то чипировать Билл Гейтс — черт его знает, может, и да, или нет; правы ли те, кто написал семьсот тысяч комментариев в адрес председателя Думы, или те, кто отказывает написавшим в праве называться людьми; читал ли «Великую перезагрузку» Клауса Шваба хоть кто-то из тех, кто размалевал престарелого администратора ВЭФ в своих публикациях под Люцифера и сделал из него пугало для взрослых с рассудком детей; масон ли Греф, есть ли пандемия, опасен ли вирус, действительно ли у Рокфеллера уже седьмое пересаженное сердце или плоска ли Земля — какая разница, если вместо аргументов у оппонентов только брызжащая слюной ярость, примитивные насмешки и оскорбления?

Никогда еще факты не значили так мало, а мифы — так много.

Я подумал было, что такая ситуация сложилась только в электронном пространстве, но нет! Центральные телевизионные каналы помимо художественных передач, о достоинствах которых я пред-

почту умолчать, круглые сутки демонстрируют совершенно безобразный, непрекращающийся скандал — и чем дольше это транслируется, тем менее скандал воспринимается как безобразный и все более — как естественная форма общения.

Посеребрённые сединой в бороде и висках, приличные с виду люди, состоявшиеся и состоятельные, перекрикивают друг друга, кривляются, коверкают имена оппонентов и используют выражения, более достойные недалеких подростков из класса компенсирующего развития. Степень взаимной ненависти и безответственной агрессии в риторике невероятная: взрослая публика с высшим образованием, социальным статусом и доступом к общественной трибуне позволяет себе не просто запредельный уровень оскорблений, но призывы то повесить, то расстрелять, то, в самом мягком случае, дать по башке раза два. Некоторые вызываются стрелять и бить по башке самолично. Ерничанье, неприличная клоунада, апелляция к личности, хамство и подмена понятий стали привычными на самом высоком, даже международном уровне общения. Деградация культуры дипломатии зашла так далеко, что ее уже не скрыть никакой масочкой, а заявления официальных представителей дипломатических министерств могли бы составить основу для перебранок рэп-музыкантов или бойцов смешанных единоборств на пресс-конференции перед соревнованиями. Что вы там говорите? Мы нарушили право? На себя посмотрите, лицемеры чертовы! По яйцам получишь! У меня яиц нет, я баба, а ты жертва гендерного разнообразия, ха-ха!

Как будто полупьяные торговки не поделили места на базаре.

Впрочем, если посмотреть на суть вещей, то это сравнение не слишком грешит против истины.

Все на нерве, на страстях, на эмоциях. Никто не предполагает, не приглашает обсудить, не выражает точку зрения: все только и делают, что призывают и заявляют. В ситуации крайней поляризации мнений разобраться в реальных фактах не представляется возможным, а потому ложь перестала быть предосудительной, а сделалась чем-то средним между риторическим приемом и подобием аргумента. Все врут, во вранье обвиняют друг друга и при этом принимают ложь как элемент какой-то безумной игры, где важно смухлевать так, чтобы противник, даже прекрасно зная, что ты жулик, не смог подловить тебя на жульничестве публично. В итоге полемика сводится к яростной пикировке, схватке злобных комедиантов, где не важны ни факты, ни реальная экспертиза, ни знание, но только эмоции и впечатление. Журналистика выродилась совершенно, по сути превратившись в информационную службу политики, — факт, который все принимают как нечто само собой разумеющееся, — а по форме упростившись до умения ловко врать и позабористее обзывать.

Договориться больше нельзя. В первой же фразе любого разговора уже звенит раздражение, готовое прорваться потоком ядовитых оскорбительных реплик при малейшем признаке несогласия собеседника. Чужое мнение воспринимается как вызов ущемленному, болезненному эго и продуцирует

агрессию, компульсивное желание уничижительно высказаться, как правило, проецируя на объект неприязни пороки и побуждения собственной мелочной и злобной души. Единственно верным признается только тот взгляд на жизнь, что исповедует своя социальная группа; несогласным же решительно отказано в искренности, а их несогласие объясняется или корыстными побуждениями, или интеллектуальной ущербностью, или моральным уродством.

Общепринято стало непременно быть недобрым, циничным, иронично-желчным; самый верный способ показаться себе значительным — занять позицию саркастического насмешника, взять за правило токсичный инфантилизм подростка, упражняющегося в неумных язвительных выпадах, переходящих в откровенную грубость. Присвоить вдруг без всякого основания право безапелляционно осуждать и судить, не стесняясь в выражениях, стало легчайшим способом хотя бы мнимо, но возвысить себя над кем-нибудь или чем-то, хотя на деле это демонстрация не эрудиции или ума, а дурного воспитания и комплекса социальной ущербности.

Так бабуины, чтобы показать, что они тут главные, демонстрируют всем свою красную задницу.

С одной стороны, в этом нет ничего принципиально нового: временам общественных потрясений свойственен раскол общества и непримиримость суждений. Вспомни, как у Андреева: «Глупость, жестокость и хамство — это три некоронованных короля современной России!» Но он написал это в 1918-м, а сегодня, сколь высока ни была бы социальная турбулентность, уровня первого революцион-

ного года сто лет назад она пока еще не достигла. До какой же степени дойдет культивируемая в обществе агрессия, когда получит для себя более веские основания, если даже сейчас в комментариях по любой отвлеченной теме перехлестывает через край?.. А в том, что она именно умышленно культивируется, что озлобление телевизионных шоу и публикаций в сети — это не только грязные деньги, на которые покупается популярность, но и ролевая модель поведения, определяющая нетерпимость к инакомыслящим, у меня, увы, нет сомнений.

Если я прав, то мир в самом скором времени ждут потрясения пострашнее маячащего цифрового концлагеря и генетического геноцида.

Сейчас я уже научился справляться с психологической токсичностью социальной среды — так человек, оказавшийся в насыщенной углекислотой атмосфере, рано или поздно приучается в ней дышать, пусть даже находится постоянно в подобии полусна от кислородного голодания; но весной я был натурально отравлен ментально и буквально приступы удушья испытывал от этого сочетания невежества и ненависти: ненависти всех ко всем, по любому ничтожному поводу, ненависти как ответа на все вопросы, ненависти, которая интегрирована, будто навязчивая реклама, в любой медийный контекст. Потом пообвыкся, а затем стал замечать за собой, что едва услышу или прочту чье-то мнение по любому вопросу, как сразу чувствую желание непременно поспорить. Я открыл для себя и стал постоянно испытывать совершенно чужие и очень неприятные чувства: раздражение, даже неприязнь

к совершенно посторонним мне людям. Раньше я не мог ни понять, ни принять для себя многого из новой истории; теперь стал замечать, что я не просто понимаю, а соглашаюсь как со справедливым, например, с обриванием наголо женщин, имевших связи с фашистами во время оккупации Франции; что мне не кажется чрезмерным пожизненное заключение для трясущихся стариков в инвалидных колясках, которые в годы Второй мировой войны были мальчишками, стоящими часовыми у ворот Треблинки или Дахау, или бывшими там поварами в офицерских столовых, или мывшими в этих столовых посуду; у меня не вызывали более отторжения слова из писем Ленина «повесить, непременно повесить, чтобы народ видел, не менее ста заведомых кулаков, богатеев, кровопийц», и я с ужасом ловил себя на том, что не без мрачного удовольствия примеряю эти императивы террора к тем, кого в данную минуту считаю себе оппонентами. Я понял, что еще немного, и если пустить дело на самотек, то начну оправдывать пытки пленных, гибель детей на войне и публичную смертную казнь, совершаемую, желательнее, самым кровавым и жестоким способом. Я чувствовал себя напряженным, натянутым, как струна, во мне бурлили смятение, раздражение, неприязнь; а если добавить к этому совершенно не тривиальный внутренний разлад памяти, сознания, личности, то можно представить, в каком состоянии я находился через два месяца после появления здесь.

Отчасти это объясняет произошедшее в начале мая.

На Пасху ко мне в гости пришли сын с женой и внуки — впервые с Нового года, замечу в скобках. Не то чтобы кто-то из нас был особенно религиозен; собираться на Пасху было просто семейным обычаем, протянувшимся через поколения, который поддерживала моя покойная супруга — а теперь вот, получается, и я, после того как ее не стало.

Днем из-за легкой облачной дымки выглянуло несмелое солнце, но и этого мимолетного взгляда хватило, чтобы гостиная наполнилась нежным светом одного из тех юных и радостных дней, что редко, но все же случаются весной в Петербурге. Мы сидели за большим столом, накрытым заказанными в ресторане закусками, куличами из булочной и мисочкой с яйцами, — их принесла Оксана, и то ли красила сама, то ли тоже где-нибудь заказала. Все шло хорошо, так, как и полагается на семейном обеде: внук Егор, опустив нос в тарелку и не стащив наушников, молча наворачивал салаты; умненькая Ростислава, поглядывая через круглые очки в тонкой оправе, вежливо рассказывала про какой-то семинар то ли по продуктивности, то ли по саморазвитию; Оксана в нужных местах кивала, удивлялась и выказывала интерес. Олег в основном молчал; он крепкий, широкоплечий, с короткими пепельными волосами, совершенно на меня не похожий и почему-то очень меня раздражает, но я так и не разобрался, кого именно: то ли своего семидесятилетнего отца, то ли тридцатилетнего кэпа. Может, дело было в том, что накануне я до глубокой ночи попеременно изучал то телеграм-каналы ура-патриотов, то страницы

в Facebook их либеральных противников; или в том, что с утра сосед Александр уже успел предсказать новый полный локдаун, войну с Украиной и голод. В общем, я дождался, когда Ростислава на секунду прервалась, чтоб сделать глоток морса, уставился на Олега и спросил:

— Как с работой?

Он чуть опустил плечи и буркнул:

— Никак.

Похоже, что отцом я был так себе.

— Что, не берут никуда?

Олег засопел.

— Сейчас очень слабый рынок труда, — ответила за него Оксана, и я заметил, как она слегка коснулась руки мужа. — Особенно просели все топовые позиции: например, на две реальные вакансии генеральных директоров в городе больше восьмисот резюме! А с позициями директоров по развитию или по маркетингу дела обстоят еще хуже. Кризис, увы.

Оксана, конечно, была права и вообще разбирала, что говорит: она работает в какой-то крупной компании, а должность ее называется «вице-президент по управлению опытом сотрудников» — как я понял, так сейчас модно называть тех, кто занимается кадрами. Я считаю, что Олегу с ней повезло: она красивая — античная правильность черт, прямой нос, светлые волосы острижены коротко, но ей это идет, — умная, самостоятельная и своей самостоятельностью, насколько я знаю, никогда мужа не попрекавшая, даже сейчас, когда он дома сидит без работы. Но как бы симпатична мне ни была Оксана, останавливаться я не собирался.

— И что же, совсем никакой работы нет, что ли? Никто никому не требуется? — поинтересовался я у Оксаны.

— Нет, почему же, требуются, конечно. Всегда очень высокий спрос на программистов, вообще на айтишников: вот у меня сейчас только на 1С три вакансии открыто в офисе и на производстве. А в IT-отрасли разработчиков разрывают буквально! Рабочие специальности постоянно востребованы, сварщики, например, или водители погрузчиков — ну, это тоже из моего актуального. Да, а вот еще уборщицу в офис не можем найти, представляете? Дошло до того, что я сама провожу собеседования с кандидатами на эту позицию и рассказываю им о преимуществах нашей корпоративной культуры! А они слушают и обещают подумать и перезвонить!

Оксана рассмеялась, но разрядить обстановку не вышло.

— Ну вот пусть и выучится на программиста или сварщика, — сказал я. — Или в уборщицы пойдет, если ничему научиться не может.

— Да, я тоже всегда папе говорю, что нужно избегать акцентуации на негативе, быть в моменте и искать новые возможности... — неожиданно подхватила Ростислава, но поймала взгляд отца и осеклась.

Егор заинтересованно снял наушники и перестал жевать.

— Видите ли, так резко поменять карьерный трек тоже не получится. — Оксана чуть порозовела, но осталась невозмутимо-приветливой. — Требуются ведь не только фактические знания, но и реальный

практический опыт. Да и зарплатные ожидания придется несколько скорректировать...

— Так пускай скорректирует. Ты сколько получал на прошлой работе?

— Я не получал, а зарабатывал, — огрызнулся Олег. — Четыреста плюс бонусы.

— Ну так, может, пора планку снизить? Пойдешь на... Оксана, сколько там вы уборщице платите?

— Знаешь, я не для того двадцать лет карьеру делал и компетенции нарабатывал, чтобы теперь снижать планку!

— Да? И что ты такого полезного сделал за это время?

Оксана откинулась на спинку стула и опустила глаза. Зато Олег смотрел теперь прямо на меня.

— Я за это время квартиру купил, дочери обучение оплатил, восемь машин поменял и три миллиона вложил в ремонт дачи, которую ты, папа, от деда получил и забросил!

— Ну, ты же не покупателем квартир устраиваешься работать, верно? Я про другое тебя спрашиваю: что ты реально сделал нужного за эти двадцать лет на работе? Вот тебя выгнали...

— Олега не выгнали, а сократили, — тихо заметила Оксана.

— Ну, какая разница. Я так считаю, что того, кто создает что-то ценное, не сокращают. Вы же программистов или сварщиков не сокращаете, Оксана? Потому что значимость и результат их труда очевидны. Избавляются от иждивенцев, которые непонятно чем заняты. Так что именно выгнали. За

ненадобностью. Вот я и спрашиваю тебя: что ты сделал за двадцать лет твоей такой важной карьеры?

Олег набычился.

— У меня несколько десятков кейсов по развитию федеральных брендов, если ты вдруг заинтересовался. Я строил региональные сбытовые сети с уровнем дистрибуции больше девяноста процентов, а на последнем месте работы обеспечил рост капитализации на одиннадцать пунктов период к периоду...

— И что напишут на твоём могильном камне, сынок? Резюме про федеральные бренды? Рекомендательное письмо? И что из написанного поймут твои потомки? Чем будут гордиться? Тем, что ты помогал кому-то заработать побольше на том, чтобы продавать на рынке товар, который ничем не лучше двадцати таких же?

— Знаешь, кто бы говорил! На твоём камне что напишут?! Ты всю жизнь в своём НИИ просидел, потом в девяностые попробовал то макаронами, то колбасой торговать — безуспешно, заметь! — дошел до того, что год сторожем на стройке работал, а потом вернулся обратно в институт и еще почти двадцать лет там стул просиживал, не знали уже, как от тебя избавиться! Ты сам что сделал хорошего в жизни? Чего добился?

И тут я сказал:

— В тридцать один год я стал лидером первой и единственной в истории человечества экспедиции к краю Вселенной.

Стало тихо. Все молча смотрели на меня: Олег в замешательстве, Оксана с некоторой опаской, Егор с веселым удивлением.

Первой пришла в себя рассудительная Ростислава. Она поморгала и произнесла:

— Кажется, дедушка хочет сказать нам, что он из будущего.

Я улыбнулся.

— Нет, не так. Дедушка хочет сказать вам, что он из настоящего.

3

Я вспоминаю газетные заголовки.

«СКВОЗЬ ГОРИЗОНТ»

«МАГЕЛЛАНЫ КОСМОСА»

«ВЕЛИЧАЙШАЯ ВЕХА В ИСТОРИИ»

«ШАГ ЗА ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОГО»

«12 октября 2021 года объединенное человечество в неуклонном стремлении расширить пределы познания отправит в космическое пространство первую в истории экспедицию с миссией достичь конечных пределов Вселенной — или же доказать, что таких пределов не существует! Согласно предварительным расчетам ученых, для достижения этой цели исследовательский космический крейсер класса А-бис «Эволюция» с новейшим SQR-двигателем четвертого поколения преодолеет до 90 миллиардов световых лет, совершив несколько десятков субквантовых переходов. Это позволит опередить гипотетическую скорость расширения пространства и достигнуть границ его естественного развития. С учетом разгонных значений, продолжительность полета составит от 10 до 20 лет по времени Земли. В состав экипажа «Эволюции» вошли...»

Мама вырезала все статьи про нас и вложила в альбом. У папы в ветеринарной лаборатории коллеги просили автограф. Соседи собирались у родителей дома, чтобы смотреть по телевизору выпуск новостей о предстоящем полете.

Конкурсный отбор на участие в экспедиции к краю Вселенной продолжался одиннадцать месяцев. Подать заявку нас убедила неугомонная Эшли. То есть и мы с Зойкой, конечно, очень хотели и заявиться, и победить — шутка ли, первый в истории человечества полет к границам нашего Мира! Любой из десятков тысяч звездолетчиков Исследовательского Космофлота мечтал об участии в этой миссии с того момента, как Академия Дальнего Космоса объявила о подготовке к полету и наборе экипажа. Конкурс почти в пятнадцать тысяч претендентов на место нас не пугал, однако по некоторым обязательным требованиям мы не проходили: например, для подачи нужно было иметь не менее трех «миллионных» полетов, а мы за миллион световых лет ходили только один раз, к аномальной системе Трицератопса на окраине карликовой галактики в Фениксе. У Зойки не хватало личных суток налета: с Эшли мы работали вместе почти десять лет, с первых дней в космосе, а она присоединилась к нам через два с половиной года, когда решила, что одной подводной археологии ей в жизни мало.

— Ну и что? — отвечала Эшли. — Будем подаваться как экипаж, тогда совокупного налета получится даже больше, чем нужно. Мне ребята из Третьей Межгалактической эскадры сказали, что экипажам пройти будет легче, чем по индивидуальным заявкам. К тому же у нас самый высокий в дивизионе

рейтинг работы с научными группами, а кэп — лучший атмосферный пилот во всем Исследовательском Космофлоте, это каждый знает.

— Не думаю, что для такой экспедиции мои навыки десантирования на агрессивных планетах будут решающим преимуществом, — заметил я. — Да и «миллионников» все равно не хватает.

Эшли только отмахнулась.

— Это все формальности. Поверьте мне: мы пройдем конкурс первыми и наиболее стабильно!

В общем, в начале июня 2020-го, едва вернувшись с Сунсага, откуда в который раз вытаскивали застрявшую там команду палеоксенологов, мы прямо с космодрома махнули на глайдере через океан подавать заявку в Среднерусский филиал Академии Дальнего Космоса.

Я помню тот летний день. Мы оставили глайдер на круглой площадке на вершине холма; вокруг, сколько хватало взгляда, под ярко-синим безоблачным небом расстилались просторы густых лесов и широких полей с лентами тихих рек; среди пологих холмов пышными соцветиями всех оттенков зелени возвышались отдельные купы деревьев. Солнце сияло в зените, и ему откликались ослепительной белизной кубические корпуса и устремленные вверх башни Академии, стилизованные под первые ракетные корабли, и сверкал алмазными гранями широкий стеклянный купол центрального здания.

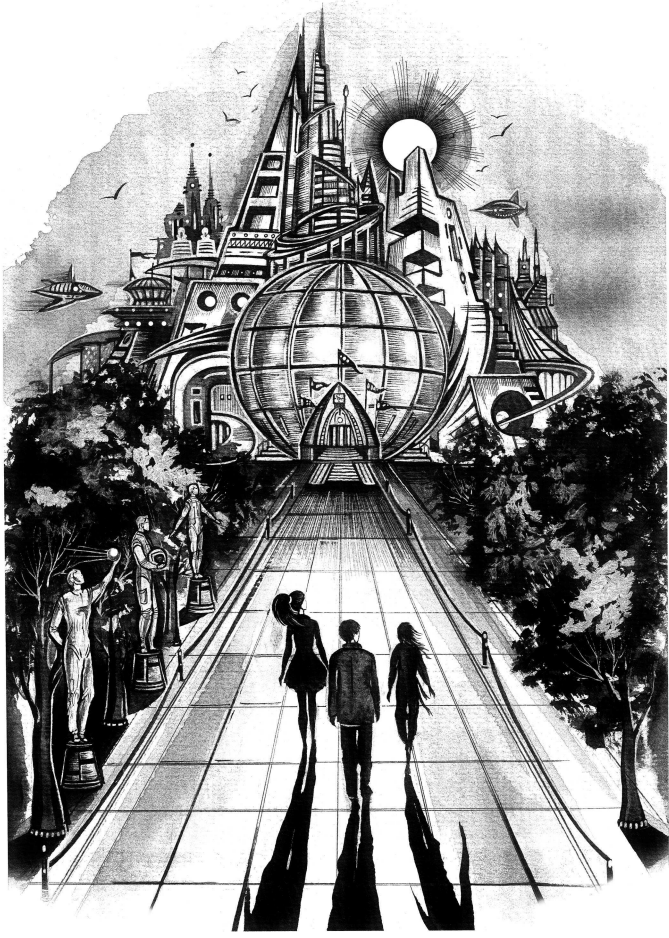
Мы спустились с холма по мощенной светлой плиткой тропинке и ступили на длинную прямую аллею, что вела через зеленое поле к главному входу. По обе стороны аллеи возвышались молодые дубы,

между которыми на постаментах стояли скульптуры, всего числом сто одиннадцать: память о тех, кто не вернулся домой за двадцать семь лет межзвездных полетов. Четырнадцать астронавтов погибли при высадке и первичном исследовании новых планет; тридцать два — в открытом космосе, из них только девять при обстоятельствах, которые удалось доподлинно установить; еще шестьдесят пять звездолетчиков исчезли безвестно — суровое напоминание всем нам о том, что во Вселенной непознанного человеком остается куда больше, чем изученного. В конце аллеи есть сто двенадцатый постамент, он пустой, без памятной надписи — символ готовности к новым жертвам во имя познания, бесстрашный взгляд в будущее. Каждый, кто проходил этой аллеей, должен был осознавать, что завтра на свободном пока постаменте может появиться его имя.

Мы шли молча меж двух рядов белоснежных скульптурных портретов погибших товарищей, и я, как всегда здесь, вспоминал героические вехи освоения дальнего космоса. Ты ведь тоже не забыла их, Нина?..

Формально первой в истории межзвездной экспедицией считается полет к Альфа Эридана в 1998 году. Его совершил исследовательский крейсер «Заря», оснащенный опытным образцом первого SQR-двигателя с максимальной дальностью субквантового прыжка всего в сто световых лет. Чтобы добраться до Ахернара, им понадобилось прыгнуть два раза, причем перезаряжаться между переходами пришлось больше восьми недель!

Это было, конечно, отчаянное путешествие. Однако «Заря» совершила первый достигший

цели межзвездный полет. Но еще в 1993-м к Альфа Центавра отправилась знаменитая экспедиция на «Пионере», корабле с гравитационным двигателем первого поколения, дававшим тягу всего в 0,45 скорости света. О, эти ревущие девяностые! Романтика бесстрашных открытий! Я тогда был еще совсем маленьким, но помню то чувство всеобщего воодушевления от известия о старте Первой Межзвездной. Двадцать два храбреца готовы были провести в полете долгие годы и вернуться на Землю через столетия, только бы достичь звезд! Но в 1999-м они были встречены SQR-космолетом «Пегас» за пределами Солнечной системы неподалеку от облака Оорта — гримасы релятивистского эффекта! — взяты на борт и всего через час первыми из людей высадились все-таки на единственной планете системы Альфа Центавра ABC, куда, из уважения к дерзновению первых, никто из землян до них еще не ступал.

В 2004 году, через шесть лет после старта «Зари», первые SQR-двигатели нового поколения с диаметром кольца в триста метров и максимальной дальностью прыжка десять тысяч световых лет открыли широкие возможности для исследования Галактики. «Десятитысячники» и сегодня остаются самым массовым видом космических кораблей; я и Эшли два года ходили на таком после окончания Академии: это был операционный корвет «Астра», на нем мы собирали отработавших ресурс исследовательских роботов с разных планет. На «десятитысячнике» «Чайка» Чен, Ливингстон и Ковальски впервые достигли квазигалактики в созвездии Большого Пса, а в 2006 году «Бросающий вызов» за 18 прыжков в те-

чение 13 месяцев преодолел расстояние в 163 000 световых лет до Магелланова Облака, совершив первый в истории человечества настоящий межгалактический перелет. С помощью квантовомеханической связи экипаж сообщил, что они достигли S Золотой Рыбы, и периодически продолжают выходить на связь по сей день, но так как для подзарядки перед каждым прыжком им приходилось долго идти на околосветовой скорости, то, в силу парадоксов пространственно-временного континуума, «Бросающий вызов» еще не вернулся и даже не встретился ни одному кораблю, которых к Магелланову Облаку ходит сейчас предостаточно.

В 2011-м появились «стотысячники», крейсера класса А, уверенно исследующие соседние квазигалактики и галактики-спутники. А в 2014 году состоялось очередное знаковое достижение: первый «миллионник» «Персей-1» с кольцом SQR-двигателя диаметром в 1,2 километра достиг галактики Андромеды! После этого в 2017-м силами трех «миллионников» «Персей-1, -2, -3» доставили и собрали на окраине ее северо-западного спирального рукава первую и пока единственную межгалактическую исследовательскую станцию «Андромеда-1».

В 2018 году случилась трагедия: «Персей-1» после планового прыжка на полтора миллиона световых лет пропал без вести со всем экипажем и командой исследователей. Причины выяснить не удалось, хотя в гипотезах недостатка не было. На аллее, ведущей к Академии, разом добавилось двенадцать новых скульптур. Строительство «миллионников» временно приостановили, но уже в 2021 году чело-

вечество бросило новый вызов Вселенной, создав «Эволюцию»: уникальный исследовательский звездолет — «миллиардник» с расчетным экипажем из пяти астронавтов и семи ученых.

Я помню просторный зал Академии: прозрачный свод потолка уходит вверх на десятки метров, все залито солнечным светом, блики отражаются от сероватого гладкого пола и от блестящей поверхности десятков белых столов, за которыми сидят такие же, как мы, звездолетчики и заполняют бланки заявок; в тишине чуть слышно шуршат по бумаге карандаши и отдаются наши шаги гулким эхом. Вслед нам поднимают головы, оборачиваются, зашелестел шепот; я к такому привык и улыбаюсь. Мы всегда привлекали внимание: высокая, атлетичная, смуглая Зойка, с карими глазами и волосами черными, как южная летняя ночь, словно прекрасная и воинственная богиня Причерноморья; и Эшли — тоненькая, светлокожая, похожая на дерзкую хулиганистую старшеклассницу, с белокурыми волосами, заплетенными в десяток тугих тонких косичек.

Помню, как заполнял бланк заявки: специальность, опыт, профессиональные рейтинги, совокупный налет, самая дальняя экспедиция — та самая галактика в Фениксе, наш единственный «миллионник»; самая продолжительная — 25 недель, исследовательский рейс к сфероидальной квазигалактике Секстант-1; и отдельная короткая строчка в анкете — «ЛИДЕР», с квадратиком, чтобы поставить отметку или оставить его пустым.

Я нарисовал галочку. Это означало мою готовность выполнять роль лидера в будущем экипаже.

Порой я думаю, что лучше было этого не делать. Что следовало уговорить Зойку лидировать этот полет, пусть даже она всегда изо всех сил этому сопротивлялась. Предлагал же ее кандидатуру очарованный Зойкой Айхендорф, но она, как всегда, отшутилась: мол, мне нельзя в лидеры, я трусиха. И все проголосовали за меня.

Лидер в экипаже космического корабля — это не профессия, тем паче не должность, а роль. Взрослые, разумные, нравственные люди, специалисты своего дела, не нуждаются в начальнике, который будет говорить им, что делать, отдавать приказы и контролировать исполнение. Но они могут нуждаться в том, кто имеет перспективное видение, организует совместный труд, поддержит в непростую минуту, не даст команде пасть духом, а еще более — в том, кто примет решение в критической ситуации и возьмет ответственность на себя. Это ключевая обязанность лидера, и она обеспечивается не властью правил, а коллективной договоренностью внутри группы, которая этого лидера выбрала.

Этот принцип действителен для всех уровней общественного устройства.

Чаще всего лидерами бывают пилоты — наверное, наследие гражданской авиации прошлого, где капитаном всегда был первый пилот, — но нередко ими становятся штурманы и бортинженеры, реже — врачи, и порой даже кибернетисты. Иногда лидер — это самый старший в команде, а иногда и самый молодой; бывает, что в сложившемся экипаже лидер не меняется много лет, а бывает и так, что перед каждым полетом команда выбирает нового ли-

дера. Случается, в общем, по-разному, но я никогда не слышал такого, чтобы кто-то сам просил сделать его лидером группы, ибо в космосе груз ответственности бывает очень тяжел, а в случае, если решение стало причиной трагедии, он станет страшен. Если я чем и горжусь, так тем, что за десять лет, что я лидировал команды, мы не потеряли никого, все вернулись домой живыми: и астронавты, и исследователи, и даже в группах ученых и колонистов, которых нам частенько приходилось вытаскивать из неприятностей на негостеприимных планетах, не погиб ни один человек.

Мы с Эшли еще в Академии заявили себя как напарники и всегда парой входили в сменные экипажи. Так получилось, что меня почти всегда выбирали лидером, хотя нам приходилось летать и в группах, где лидировал врач или инженер. Первые два года в операционной вспомогательной эскадре мы так и ходили вдвоем, а когда перевелись в исследовательский флот, то на первую же экспедицию в сборный экипаж — кажется, на «Аксиому» — нам придали в качестве бортинженера-стажера Зойку, которая только что выпустилась с Академических курсов профессиональной переподготовки. Она так и представилась всем — Зойка, крепко жала руки и так широко, солнечно и искренне улыбалась, что нельзя было не улыбнуться в ответ. Рейс был совсем короткий, всего три недели, но уже к исходу первой Зойка совершенно очаровала и нас, и сурового седусого лидера экспедиции, и ребят-планетологов из научной группы, половина из которых в нее сразу влюбились, и даже синевласую отшельницу-кибер-

нетиста, так что сразу по возвращении мы с Эшли предложили Зойке присоединиться к нам в качестве постоянного инженера. К тому же и дело свое она знала отлично, но это именно что «к тому же», ибо, перефразируя известную поговорку звездолетчиков, берешь в экипаж бортинженера, а потом в одном корабле полгода летишь с человеком.

Пилот, штурман и инженер — основная часть экипажа; врачи сопровождают не каждый рейс — с базовым оборудованием корабельного медицинского комплекса умеет обращаться любой звездолетчик, а в самом критическом случае всегда можно воспользоваться криогенной заморозкой, чтобы доставить пострадавшего в госпиталь на ближайшей населенной людьми планете. Да и в космофлоте медики редко задерживаются дольше пяти лет, так уж сложилось. Что же до кибернетистов, то это особые люди, единственные, кто привязан не к экипажу, а именно к кораблю. Точнее, к корабельному автопилоту, он же ICU — интеллектуальный блок управления (intelligent control unit) на основе искусственного разума. Это мозг звездолета, центр его операционной и навигационной системы, созданный в первую очередь для того, чтобы просчитывать последствия субквантового перехода. При прыжке на сотни и тысячи световых лет, не говоря уже про миллионы и миллиарды, корабль летит в неизвестность; по сути, он устремляется в будущее, ибо с помощью любых исследовательских средств мы видим дальний космос таким, каким он был в прошлом, соответственно, сотни, тысячи, миллионы и миллиарды лет назад. Нужно учесть и проана-

лизировать колоссальный объем информации из области астрономии, космологии, астрофизики, физики поля, физики времени и еще из десятка физик, чтобы в короткое время сделать расчеты невысказанной сложности с неисчислимым количеством неизвестных и верно предсказать последствия мгновенного перемещения через бездны пространства — как минимум, не окажется ли корабль внутри сверхновой звезды, квазара, пульсара, невесть откуда взявшейся черной дыры или бродячей планеты. Последствия космологического толка тоже принимают в расчет: изменение плотности темной материи, флуктуации нейтринного поля, опасность появления в точке выхода из субквантового прыжка продольной гравитационной волны, не говоря уже про квантовомеханические риски. Таким образом, ICU используется в основном как очень сложный бортовой навигационный прибор, который подготавливает маршрутную трассу, предиктивную аналитику и рекомендации для пилота и штурмана, но окончательное решение принимает всегда человек. Этот же принцип применим и к управлению бортовыми системами в автоматическом режиме, медицинскими и исследовательскими приборами, устройствами пилотирования — всем, к чему ICU дают доступ.

Как правило, доступ у него есть ко всему.

Любой корабельный автопилот является эманацией единого общепланетного ICU, управляющего социальной инженерией и всеми обеспечивающими системами Земли и колоний; его еще называют Старик или просто Дедуля — наверное, потому, что он,

подобно старейшинам прошлого, дает советы, которые формально необязательны к исполнению, но которым тем не менее все всегда следуют. Так как технологии алгоритмов искусственного разума унифицированы, то любые другие ISU, хоть для космических кораблей, хоть для Центра управления пищевыми поясами, хоть для НИИ Общественных наук, являются по сути единосущными и нераздельными со Стариком.

Считалось, что ISU не обладает сознанием и уж тем более личностью, пусть даже его рабочий интерфейс предполагает свободное использование естественного языка. Однако было замечено, что хоть в нюансах, но скорость операций и качество прогнозной аналитики и рекомендаций отдельных ISU изменяются в зависимости от того, кто с ними работает, так, словно у каждой машины могут быть личные симпатии и предпочтения. Это казалось совершенно невероятным, но наши люди были свободны от предрассудков, в том числе от страха показаться смешными или переступить черту между разумным и иррациональным, а потому взяли за правило прикреплять к конкретному ISU отдельного кибернетиста, который оставался в контакте со своей машиной до тех пор, пока не решал сменить род занятий. Обычно это были десятилетия, часто — вся жизнь. С момента первых межзвездных полетов кибернетисты завели традицию давать своим ISU имена — это прижилось; иногда имена выбирали люди, а порой по каким-то причинам их рекомендовал сам Старик.

ISU «Эволюции» он дал имя Лаплас.

Но я отвлекся: прости, только сегодня рассказывал Егору про свои годы на Космофлоте — и вот, сейчас уже глубокая ночь, а мне не сдержать потока воспоминаний...

Итак, мы подали конкурсные заявки и на три месяца разъехались восвояси. Давно было принято правило: день в космосе — день на Земле, и абсолютное большинство астронавтов имели еще какое-то дело, ибо совершенно невозможно бить баклуши по несколько недель или месяцев кряду. Зойка, как я уже упоминал, всерьез занималась подводной археологией, а еще спортом: была чемпионкой Черноморского края по плаванию на открытой воде. Эшли работала вожатой в детском лагере; наверное, туда ее привело нереализованное стремление к материнству, с которым, увы, не задалось. А я... представь себе, забыл, что делал, когда бывал на Земле. Помню, что писал что-то, но что?.. В памяти только всплывает слово «архив», да и то не уверен. Может, газета?.. Нет, тоже не то. Зато помню, как катался в гости то в лагерь Эшли на Великих озерах, то на побережье Крыма, где за сокровищами и артефактами древности ныряла Зойка, и как мы собирались втроем или в Вегасе, или в Одессе, или у меня в Ленинграде.

Через три месяца мы ушли в новый рейс, а когда вернулись, нас ожидало уведомление о том, что нами пройден заочный отбор и впереди ждет основной этап испытаний.

— Я же говорила! — радовалась Эшли.

Мы все тогда очень радовались.

Всего в следующий тур прошли 22 экипажа и еще 160 звездолетчиков по индивидуальным заявкам: пи-

лоты, штурманы, инженеры, врачи. Для кибернетиков и для исследователей предполагался другой формат конкурса.

Четыре месяца продолжались очные тесты. Мы успешно и с хорошим запасом по баллам сдали специальность; на физподготовке в командном зачете благодаря Зойке вообще вошли в первую тройку, уступив только экипажам, в которых были чемпион мира по академической гребле и олимпийский рекордсмен по триатлону. Больше всего мы волновались перед психологическими испытаниями: во-первых, потому, что это основной блок тестирования — среди миллиардов лет пустоты перед лицом неведомого и непредсказуемого профессиональные навыки и физическая выносливость — которые к тому же у всех участников конкурса были примерно на одном уровне, — будут не так важны, как качества личности; во-вторых, потому, что к психологическому тестированию нельзя подготовиться. Неделью мы отвечали на вопросы анкет и интервьюеров, с нами по несколько часов разговаривали улыбчивые люди с внимательными глазами, мы прошли все мыслимые тесты «человек-человек» и «человек-машина», а в конце еще сутки провели в камерах сенсорной депривации с датчиками на запястьях и голове.

Почти месяц ученые НИИ Человека и ведущие эксперты Центра Подготовки Космофлота обрабатывали итоги конкурсных испытаний; почти полчаса их выводы изучал Старик, и он же выдал итоговые рекомендации — принятые, как обычно, без замечаний.

В финал прошли три летных экипажа: наша тройка, четверо ребят из Второй Межгалактической, которые летали одним составом почти пятнадцать лет, и еще четыре человека с индивидуальными заявками, объединенные в одну команду по итогам тестирования. Двадцать один исследователь, семи из которых предстояло стать научной группой экспедиции, врачи и кибернетисты были распределены между экипажами астронавтов в соответствии с результатами психологических тестов. Предстоял последний этап.

В начале мая 2021 года мы опять прилетели в Академию Дальнего Космоса. Пробудившаяся природа широко распахивалась навстречу блестящему солнцу и синему небу, в прозрачном воздухе были растворены запахи вешней воды, душистые ароматы первых цветов, жизни, молодости и надежды. Кроны дубов вдоль аллеи подернулись легкой зеленой дымкой распускающейся листвы; на белом мраморе ступей искрились прозрачные капли.

Мы вновь оказались там, где почти год назад заполняли анкеты участников конкурсного отбора. Теперь посередине огромного зала под прозрачным куполом сидели, ожидая нас, девять незнакомых нам человек: семеро исследователей и два члена летного экипажа — те, кто, как и мы, прошел в финал. Две другие команды, как нам было известно, тоже собрались в тот день в Академии: одна — в библиотеке, другая — в обсерватории. Нам предстояло познакомиться друг с другом, а потом, по итогам знакомства, каждый должен был отдельно и лично передать

организаторам свои предложения: кого оставить в группе, а кого лучше бы исключить.

Ты помнишь тот день, Нина?..

В газетных статьях по традиции перечисление экипажа начиналось с научной команды:

«...В состав экипажа «Эволюции» вошли:

Лидер-исследователь, астрофизик Ли Вэй

Космолог Сато Акико

Космолог Сато Юкико

Физик поля Махтаб Фархади

Физик времени Айзек Рубин

Физик энергий Генрих Айхендорф

Антрополог Нина Когуа...»

В суете и неловкости первых минут знакомства я удивился тогда: антрополог? В экспедиции к краю Вселенной? А ты засмеялась, ответив: да, взяли, чтобы двенадцатая каюта не пустовала!

Ты была похожа на девушку с иллюстрации в книжке «Мцыри», что я читал еще школьником. Ты мне сразу очень понравилась.

Зойка закрутила веселым вихрем, организовала всех, чтобы расставить тесным кружком стулья; Эшли тут же принялась искать и нашла общих знакомых: Айхендорф ходил три года назад к V404 Лебедя в экипаже со штурманом, за которого Эшли едва не вышла замуж на первом курсе, Айзек был знаком с нашим преподавателем по энергии слабых взаимодействий, а сестры-близняшки Сато, оказывается, лет двадцать назад были в одном летнем шахматном лагере с ее двоюродным братом. Я подумал тогда, что двенадцать миллиардов людей расселились по

меньшей мере на десятке планет, а мир по-прежнему остается тесен.

Помню, как мы наконец расселись, и я предложил, чтобы каждый еще раз представился и немного рассказал о себе; помню, что Махтаб дольше всех оставалась застенчивой — это потом оказалось, что она хохотушка не хуже Зойки, а еще что почему-то попросила называть себя не Махтаб, а Лили; помню, как Али сказал о себе просто: «Я врач», развел руками и улыбнулся смущенно и белозубо; как Юкико представилась за двоих, а Акико, как всегда, промолчала; как следом за ними очень тихий, невысокий темноволосый парень представился: «Ой», и все стали переспрашивать, а он назвал полное имя, и спрашивать больше не стали.

«...Штурман Эшли Хатчинсон-Грант
Бортинженер Зоя Черновыл
Кибернетист Ойуун Убулаахан
Врач Али Шейх Махмуд
Лидер-пилот...»

Лидеров экипажа всегда указывают последними.

Мы провели тогда вместе четыре часа; лучи солнца уже не падали сверху, а широкими золотыми полосами лежали на блестящем полу от одной прозрачной стены до другой, и мы решили быстро написать, что от нас требуется, а потом полететь куда-нибудь вместе, чтобы продолжить знакомство. Помню, как Лили прикрывала свой листочек ладошкой, а Акико и Юкико сдали один ответ на двоих. Потом мы набились в два глайдера и полетели в Москву; помню, как Айхендорф ночью читал Зойке стихи Гейне на очаровательно старом немецком, а Лили

тут же переводила и повторяла их на фарси; как спорили, у кого сложнее родной язык, и победил Ойуун, потому что на саха-гыла говорили только Акико и Юкико, чем удивили нас всех, а более всего самого Ойууна. В итоге мы встретили раннее утро в Москве, сидя на набережной у Васильевского спуска и глядя, как восходящее солнце золотит устремленный в прозрачное небо шпиль высотки на Котельнической.

А около полудня нам сообщили, что мы стали экипажем первого в истории звездолета «миллиардника», исследовательского крейсера класса А-бис «Эволюция». Наша группа была единственной, где ни один из двенадцати не предлагал заменить никого из будущего экипажа.

Началась подготовка к полету.

В основе своей «Эволюция» была типовым исследовательским крейсером, предназначенным для экспедиций в сверхдальний космос. Серьезные модификации относились главным образом к инженерно-энергетическому контуру и, конечно, конфигурации SQR-двигателя, так что на подготовительном этапе больше всего поработать пришлось Зойке. Основательно занят был и Ойуун, который, по обыкновению всех кибернетистов, немедленно свил себе подобие гнезда на рабочем посту рядом с серверами ICU и сутками там просиживал: знакомился с Лапласом, разговаривал с ним, даже пел ему что-то протяжное и мелодичное, и отлаживал его взаимодействие с операционными модулями «Эволюции». Уединение его нарушала лишь Эшли, чтобы вместе консолидировать навигационный блок с вычислительным центром ICU. К тому же,

как оказалось, Ойуун вообще никогда раньше не летал в космос, ни в дальний, ни в ближний, за исключением школьных экскурсий на Луну и на Марс, так что ему пришлось отдельно осваивать базовый курс управления основными системами корабля — навыки, совершенно необходимые для всех без исключения членов экипажа, чтобы в случае критической ситуации каждый мог подменить хоть пилота, хоть штурмана, хоть инженера в той мере, которая позволит выжить и вернуться домой. Кроме него этот курс проходила только ты, Нина, потому что тоже никогда раньше не была в космосе.

Так ты сказала тогда. Я это помню.

У всех остальных наших исследователей был приличный опыт дальних космических экспедиций и отличная подготовка в части технических знаний. Вспоминая последующие события, я думаю, что было бы лучше, чтобы такая подготовка у некоторых хромала на обе ноги или отсутствовала вовсе.

Потом «Эволюция» отправилась в стартовую зону, а мы на два месяца поселились в Академгородке, изучая теоретическую часть программы того невероятного путешествия, что нам предстояло.

Пришла осень. Октябрь позолотил дубы на аллее; оранжево-красные листья липли к влажному белому мрамору, похожие на рваные раны.

В далеком 1993 году, отправляясь на «Пионере» в неизвестность межзвездных пространств, 22 отважных первопроходца перед отлетом с Земли на прощание посетили родные села и города — все вместе, родину каждого. Их можно было понять: они уходили на десятилетия, которые на Земле должны